

ВНИМАНИЕ !

Уважаемые Фэны Стивена Кинга!

В настоящее время Виктор Вебер работает над переводом романа Стивена Кинга
«Дьюма Ки».

Предлагаем Вам поучаствовать в поиске недочетов перевода. Если после прочтения выкладываемых материалов у Вас появились какие-нибудь комментарии по поводу перевода имен, названий, по поводу описываемых событий из прошлых книг эпопеи, если Вы заметили ошибку – просьба сообщить об этом здесь:
<http://www.stephenking.ru/translations/dumakey/>

Поможем сделать перевод «чистым»!

Заранее спасибо!

**СТИВЕН КИНГ
ДЬЮМА-КИ**

...

Как рисовать картину (II)

Помните, правда кроется в мелочах. Неважно, как мы видим мир, или какой стиль, как художнику, навязывает он вам, правда кроется в мелочах. Разумеется, так кроется и дьявол (все так говорят), но возможно, правда и дьявол – синонимы. Так может быть, знаете ли.

Вновь представьте себе маленькую девочку, ту самую, которая выпала из коляски. Она ударилась правой стороной головы, но в наибольшей степени пострадала левое полушарие мозга – противоударная травма, помните? В левом полушарии находится зона Брока¹... не все это знали в 1920-х годах. Зона Брока управляет речью. Ударьте ее достаточно сильно, и вы

---

¹ Брока, Поль Пьер (1824-1880) – французский врач и антрополог. В 1861 г. нему пришел пациент, который потерял способность говорить и мог сказать только «тан, тан». Когда пациент скончался, Брока исследовал его мозг и обнаружил, что участок левого полушария, размером с куриное яйцо, был поврежден. Брока пришел к выводу, что эта часть мозга отвечает за речевые способности, и с тех пор эта область называется зоной Брока.

потеряете дар речи. Иногда – на какое-то время, может, и навсегда. Но, говорить – не видеть, хотя и первое, и второе тесно связаны.

Маленькая девочка по-прежнему все видит.

Она видит пять своих сестер. Их платья. Их волосы, растрепанные ветром, когда они приходят в дом в улицы. Она видит усы своего отца, теперь тронутые серым. Она видит няню Мельду, скорее, не служанку, а, в понимании девочки, ближе всего соответствующую слову «мать». Она видит шарф, который няня повязывает на голову, когда прибирается по дому. Она видит узел впереди, над высоким коричневым лбом няни Мельды. Она видит серебряные браслеты няни Мельды, видит, как они сверкают, выстреливая яркими лучами, когда через окна на них падает солнечный свет.

Мелочи, мелочи, правда кроется в мелочах.

И хочет увиденное выговориться, даже в поврежденном мозгу? Травмированном мозгу? Должно, должно.

Она думает: «У меня болит голова».

Она думает: «Что-то случилось, и я не знаю, кто я. Или где я. Или что означают все эти яркие образы».

Она думает: «Либбит? Мое имя – Либбит? Я знала, до того, как. Я могла говорить до-того-как, когда знала, но теперь мои слова – рыбы в воде. Мне нужен мужчина с волосами на губе».

Она думает: «Это мой папа, но, когда я пытаюсь произнести его имя, вместо этого я говорю: «Ица! Ица!» – потому что в этот момент какая-то птица пролетает мимо моего окна. Я вижу каждое перышко. Я вижу, что ее глаз, блестящий, как стекло. Я вижу ее лапку, как она согнута, словно сломана, и это слово – крючок. У меня болит голова».

Девочки заходят. Мария и Ханна заходят. Она их не любит, в отличие от близняшек. Близняшки маленькие, как и она.

Она думает: «Я называла Марию и Ханну Большими Злюками до-того-как», – осознает, что знает вновь. Еще что-то вернулось. Слово, обозначающее еще одну мелочь. Она снова его забудет, но в следующий раз вспомнит, и будет помнить дольше. Она в этом практически уверена.

Она думает: «Когда я пытаюсь сказать «Ханна», я говорю: «Анн! Анн!» Когда я пытаюсь сказать, «Мария», я говорю: «И! И!» И они смеются, эти злюки. Я плачу. Мне нужен мой папа, и я не могу вспомнить, как его назвать; это слово ушло. Слова – будто птицы, они летают. Летают и улетают. Мои сестры говорят. Говорят, говорят, говорят. У меня в горле пересохло. Я пытаюсь сказать «пить». Я говорю: «Ить! Ить!» Но они только смеются эти злюки. На мне повязка, я ощущаю запах йода, запах пота, слушаю их смех. Я кричу на них, кричу громко, и они убегают. Приходит няня Мельда, ее голова красная. Потому что волосы повязаны шарфом. Ее кругляши сверкают на солнце, и ты называешь эти кругляши браслетами. Я говорю: «Ить, ить!» – но няня Мельда меня не понимает. Тогда я говорю: «Ашка! Ашка! – и няня сажает меня на горшок, хотя на горшок мне совсем и не нужно. Я вижу на горшке и вижу, и указываю: «Ашка! Ашка! Входит папа. «Чего ты кричишь?» – с лицо в белых пузырях, за исключением пятна гладкой кожи. Там, где он провел той штуковиной, которая убирает волосы. Он видит, куда я указываю. Он понимает. «Да она хочет пить». Наполняет чашку. Комната полна солнца. Пыль плавает в солнце, и его рука движется сквозь солнце, неся чашку, и ты называешь это – «красиво». Я выпиваю все-все. Потом снова кричу, но от радости. Он целует меня целует меня целует меня, обнимает меня, обнимает меня, обнимает меня, и я пытаюсь сказать ему: «Папа!» – но по-прежнему не могу. Потом я вдруг думаю о его имени, и в голове появляется «Джон», вот я и думаю о его имени, и пока я думаю – «Джон», с моих губы срывается: «Папа!» – и он обнимает меня обнимает меня еще сильнее.

Она думает: «Папа – мое первое слово после того, как со мной случилось плохое».

Правда кроется в мелочах.

Глава 2 «ОРХИДЕЯ»²

---

² В оригинале название главы RED PINK, которая можно перевести, как большая гвоздика, большая розовая, орхидея и Ред-Пинк (звукозаписывающая студия из далеких 1960-х). Выбор за переводчиком.

i

Географическое предложение Кеймена сработала, но, если уж говорить о приведении в порядок моей головы, думаю, что выбор Флориды – случайное стечение обстоятельств. Это правда, я там поселился, но в действительности не жил. Нет, географическая терапия Кеймена сработала благодаря Дьюма-Ки и «Орхидее». Для меня эти два места составили собственный мир.

Я отбыл из Сент-Пола десятого ноября, с надеждой в сердце, но ничего не ожидая. Провожала меня Кэти Грин, королева лечебной физкультуры. Поцеловала в губы, крепко обняла и прошептала:

– Пусть все твои сны сбудутся, Эдди.

– Спасибо, Кэти, – ответил я, тронутый до глубины души, хотя из головы не выходил сон с Ребой, воздействующей на злость куклой, в котором она, выросшая до размеров ребенка, сидела в кресле в залитой лунным светом гостиной дома, где я прожил с Пэм много лет. Не сильно мне хотелось, чтобы этот сон стал реальностью.

– И пришли мне свою фотографию из «Диснейуолда». Я давно хотела увидеть тебя с мышинными ушами.

– Обязательно, – пообещал я, но не побывал ни «Диснейуолд», ни в «Сиуолд», ни в «Буш-Гарденс», ни на «Дантона-Спидуэй»³.

Когда я покидал Сент-Луис, в комфортабельном салоне «Лир-55» (уход на пенсию при деньгах имеет свои преимущества), температура воздуха опустилась на пять градусов ниже нуля и на землю падали первые снежинки, предвестники длинной зимы. В Сарасоте я вышел из самолета в жару, под тридцать градусов, и солнце. Даже пересекая полосу асфальта, отделявшую меня от терминала частных пассажирских самолетов, по-прежнему опираясь на верную красную «канадку», я буквально чувствовал, как правое бедро не устает повторять: «Спасибо тебе».

Вспоминая то время, я вижу бурлящий котел эмоций: любви, желания, страха, ужаса, сожаления и глубокой нежности. Испытать эти чувства могут лишь

---

³ «Диснейуолд», «Сиуолд», «Буш-Гарденс» - парки развлечений, «Дантона-Спидуэй» – трасса автогонок, расположены в штате Флорида.

те, кто побывал на грани смерти. Думаю, то же самое ощущали Адам и Ева. Конечно же, они оглядывались на Эдем (едва ли вы не согласитесь в этом со мной), когда босиком двинулись по дорожке, приведшей туда, где мы сейчас и находимся, в наш мрачный, пронизанный политикой мир с пулями, бомбами и спутниковым телевидением. Смотрели за спину ангела с огненным мечом, который охранял закрывающиеся ворота? Безусловно. Думаю, они хотели еще раз увидеть зеленый мир, который потеряли, со сладкой водой и добрыми животными. И, разумеется, змея того мира.

ii

От западного побережья полуострова Флорида в море брошен браслет с амулетами-островами. Если у вас на ногах семимильные сапоги, вы с Лонгбоута шагнете на Лидо, с Лидо – на Съесту, со Съесты – на Кейси. Следующий шаг приведет вас на Дьюма-Ки⁴ (девять миль в длину и полмили в самом широком месте), расположенный между Кейси-Ки и Дон-Педро-Айлендом. Большая часть острова необитаемая, заросли баньянов, пальм и казуарин, неровный, в дюнах, берег, который смотрит на Мексиканский залив. Выход на пляж охраняется полосой униолы метельчатой⁵, высотой по пояс. «Униоле здесь самое место, – как-то сказал мне Уайрман, – но вся остальная хрень не может расти тут без орошения». Большую часть времени, которое я провел на Дьюма-Ки, там, помимо меня, жили только Уайрман и Невеста крестного отца.

Сэнди Смит, моего риэлтора в Сент-Поле, я попросил найти тихое местечко (не уверен, употребил ли слово «изолированное»), но достаточно близкое к благам цивилизации. Помня совет Кеймена, я отметил, что хочу арендовать дом на год, и цена значения не имеет. При условии, что я не останусь без гроша в кармане. Пусть меня мучила депрессия, да и боль практически не отпускала, я не хотел, чтобы кто-либо воспользовался моей слабостью. Сэнди ввела мой

---

⁴ Остров Дьюма-Ки (Duma Key) находится в параллельном нашему миру, созданном Стивеном Кингом. В нашем есть только бар «Дьюма-Ки», на одном из островов Флорида-Кис

⁵ Униола метельчатая - sea oats (морской овес)

запрос в компьютер, и программа выдала «Орхидею». Я будто вытащил счастливый билет. Да только я в это не верил. Потому что даже в самых первых моих рисунках вроде бы, ну, не знаю, что-то было.

Что-то.

iii

В день прибытия на Дьюма-Ки (на арендованной машине, за рулем которой сидел Джек Кантори, молодой человек, нанятый Смит через одно из агентств по трудоустройству Сарасоты), я ничего не знал об истории острова, за исключением одного: добраться до него можно с Кейси-Ки по мосту, построенному в эру УПА⁶. Я обратил внимание, что только северная оконечность свободна от растительности, заполонившей весь остров. Здесь территорию облагородили (применительно к Флориде речь шла об ирригационной системе, пальмах и траве). Вдоль узкой, в заплатах асфальта, дороги, она вела на юг, построили полдюжины домов, и замыкала ряд огромная, но, безусловно, элегантная гасиенда.

А неподалеку от съезда с моста, на расстоянии, не превышающем длину футбольного поля, я увидел розовую виллу, висящую над заливом.

– Это она? – спросил я, думая: *«Пусть это будет она. Именно она мне и нужна»*. – Это она, не так ли?

– Понятия не имею, мистер Фримантл, – ответил Джек. – Сарасоту я знаю, а на Дьюму попал впервые. Не было причин приезжать, – он остановился около почтового ящика, с намалеванным на нем красным числом 13. Посмотрел на папку, что лежала между нами на сидении. – Нам сюда, все так. Салман-Пойнт, номер 13. Надеюсь, вы не суеверны.

Я покачал головой, не отрывая глаз от виллы. Меня не тревожили разбитые зеркала или черные кошки, перебегающие дорогу, но я искреннее верил в... ну, может, не любовь с первого взгляда, по мне такое для книг и фильмов, в чистом виде Ретт-и-Скарлетт, но в

---

⁶ УПА/WPA (Works Progress Administration) - Управление общественных работ, федеральное независимое ведомство, созданное в 1935 г. по инициативе президента Рузвельта и ставшее основным в системе трудоустройства безработных в ходе осуществления Нового курса а.

зачарованность? Точно. Так зачаровала меня Пэм, когда я увидел ее в первый раз, на парном свидании (она была с другим парнем). И то же самое я испытал, увидев «Орхидею»⁷.

Дом стоял на сваях, его «подбородок» далеко выступал за линию высокого прилива. Рядом с подъездной дорожкой, на покосившейся деревянной палке, крепилась табличка с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», но я полагал, что ко мне надпись эта не имела никакого отношения.

«Как только вы подписываете договор аренды, дом ваш, – объяснила мне Сэнди. – Даже если его продадут, новый владелец не сможет вышвырнуть вас до истечения срока аренды».

Джек медленно подъехал к двери черного хода... единственной двери, поскольку фасадом дом выходил на Мексиканский залив.

– Я удивлен, что его разрешили построить так близко от воды, – Джек покачал головой. – Наверное, в прежние времена порядки были другими, – под прежними временами он, вероятно, подразумевал 1980-е годы. – Вон ваш автомобиль. Надеюсь, он на ходу.

Справа от виллы, на квадрате потрескавшегося бетона справа от виллы, припарковали автомобиль, типичного «американца» средних размеров, на каких и специализируются компании по прокату. Я не сидел за руль с того дня, когда миссис Феверо сбила Гендальфа, и удостоил автомобиль разве что беглого взгляда. Куда больше меня интересовал большущий розовый слон, который я арендовал.

– Разве нет законов, запрещающих строительство в непосредственной близости от берегов Мексиканского залива?

– Теперь наверняка есть, но во время строительства этого дома могло и не быть. Проблема – в береговой эрозии. Я сомневаюсь, что дом построили висящим над водой.

Он, конечно же, говорил правильно. На текущий момент я мог видеть шестифутовый отрезок свай, поддерживающих веранду с навесом, так называемую «флоридскую комнату». Если только сваи не уходили в скальное основание на шестьдесят футов, этому дому

---

⁷ Выбор определен именно этим абзацем. Подобные чувства можно испытать, только увидев что-то захватывающе красивой. Сарай-студия похож на виллу только цветом стен.

предстояло «уплыть» в Мексиканский залив. Вопрос времени, ничего больше.

Я только думал об этом, а Джек Кантори уже говорил. Потом улыбнулся.

– Волноваться, впрочем, не о чем? Я уверен, что дом вас предупредит. Вы услышите скрип и стоны.

– Как дом Ашеров, – кивнул я.

Улыбка Джека стала шире.

– Да он наверняка простоит еще лет пять. Иначе его предписали бы снести.

– Мне бы твою уверенность.

Джек задним ходом подогнал автомобиль к двери, чтобы облегчить себе разгрузку. Впрочем, вещей я захватил с собой немного: три чемодана, чехол с костюмами, металлический кейс с ноутбуком внутри и ранец с минимумом необходимого для рисования, главным образом, блокнотами и цветными карандашами. Прошлую жизнь я оставил налегке. Посчитал, что в новой мне больше всего понадобятся чековая книжка и карточка «Америкэн экспресс».

– Что вы хотите этим сказать? – спросил он.

– Тот, кто мог позволить себе построить здесь виллу, наверняка может договориться с сотрудниками Эс-и.

– Эс-и? Что это такое?

Сразу я ответить не смог. Представлял себе, о ком говорю: мужчины в белых рубашках и галстуках, в желтых защитных касках на голове, с планшетами в руках. Я мог видеть даже ручки в их нагрудных карманах и пластиковые накладки, к которым эти ручки крепились. Дьявол кроется в мелочах, правильно? Но я не мог вспомнить, что означает Эс-и, хотя аббревиатуру знал не хуже собственного имени. И мгновенно меня охватила ярость. И мгновенно я решил, что сейчас самое естественное для меня – сжать левую руку в кулак и врезать по незащищенному адамову яблоку молодого человека, который сидел рядом со мной. Я ведь имел на это полное право. Потому что не смог найти ответ именно на его вопрос.

– Мистер Фримантл?

– Одну секунду, – ответил я, подумав: «Я смогу это сделать».

Я подумал о Доне Филде, парне, который инспектировал большую половину зданий, построенных

мною в девяностых годах (вроде бы большую половину), и в моей голове что-то замкнулось. Я осознал, что сижу, выпрямившись, левая рука, лежащая на коленях, сжата в кулак. Понял, почему в голосе Джека слышалась озабоченность. Я выглядел так, словно мой живот пронзила резкая боль. Или у меня сердечный приступ.

– Извини, – продолжил я. – Со мной произошел несчастный случай. Я ударился головой. Вот иногда память и подводит.

– Не волнуйтесь об этом, – отмахнулся Джек. – Не такое большое дело.

– Эс-и – строительная инспекция. Следит за выполнением норм строительного кодекса. Обычно они решают, рухнет твой дом или нет.

– Так вы говорите о взятках? – мой новый работник нахмурился. – Что ж, я уверен, такое случается, особенно здесь. Деньги – это все.

– Ну, зачем такой цинизм. Иногда это вопрос дружбы. Строители, подрядчики, сотрудники строительной инспекции, иногда даже парни из О-эс-эйч-эй⁸... они обычно пьют в одних барах, раньше ходили в одни школы, – я рассмеялся. – В некоторых случаях, в исправительные школы.

– Они определили к сносу пару домов в северной части Кейси-Ки, когда береговая эрозия ускорилась, – заметил Джек. – Один просто рухнул в воду.

– Что ж, как ты и говоришь, я, скорее всего, услышу треск, а пока дом выглядит вполне безопасным. Давай занесем мои вещи.

Я открыл дверцу, затем с трудом вылез из автомобиля. Травмированная нога затекла. Если бы я вовремя не поставил костыль, поздоровался бы с «Орхидеей», растянувшись на каменной ступеньке у двери.

– Я занесу ваши вещи, – сказал Джек. – А вы пройдите в дом и посидите, мистер Фримантл. Не повредит и глоток чего-то холодного. Вы выглядите усталым.

---

⁸ ОСХА (OSHA/Occupational Safety & Health Administration) – Федеральное управление охраны труда и техники безопасности

iv

Эмоциональная и физическая нагрузка, вызванные путешествием, дали о себе знать, так что я больше чем устал. К тому времени, когда уселся в кресло в гостиной (кренясь влево, как обычно, стремясь максимально выпрямить правую ногу), с готовностью признался себе, что вымотан донельзя.

Однако, тоски по дому не испытывал, во всяком случае, пока не испытывал. Пока Джек ходил взад-вперед, занес чемоданы в большую спальню, поставил ноутбук на стол в маленькой, мой взгляд притягивала западная стена гостиной, из стекла, «флоридская комната» за ней и Мексиканский залив еще дальше. Безбрежная синева, плоская, как тарелка, во второй половине этого жаркого ноябрьского дня. И даже с закрытой сдвижной дверью-стеной, я слышал негромкое и ровное дыхание этой синевы. *«У нее нет памяти»*. Такая вот странная, но оптимистичная мысль мелькнула в голове. Когда дело касалось памяти (и злости), меня все это по-прежнему волновало.

Джек вернулся из маленькой спальни и сел на подлокотник дивана. В позе молодого человека, подумал я, которому не терпится уйти.

– Из еды все необходимое у вас есть, – доложил он. – Плюс салат, гамбургер и готовая курица в вакуумной оболочке... в моем доме ее называют «Курица-астронавт». Надеюсь, вы не против.

– Отлично.

– Двухпроцентное молоко...

– Очень хорошо.

– ...и разбавленные сливки. Если нужно, в следующий раз могу привезти чистые.

– Хочешь закупорить мою единственную оставшуюся артерию?

Он рассмеялся.

– В маленькой кладовой на кухне все виды консервированного дер... консервов. Кабельное телевидение подключено, интернет работает... я договорился о «вай-фай»⁹, стоит чуть дороже, но

---

⁹ Вай-Фай (Wi-Fi) – беспроводной интернет

круто... и, если хотите, можно установить спутниковую антенну.

Я покачал головой. Он был хорошим парнем, но я хотел слушать Залив, нашептывающий мне слова, которые он уже не вспомнил бы минутой позже. И я хотел слушать виллу, видеть ее, если сказать ей было нечего. И почему-то у меня создалось ощущение, что было.

– Ключи в конверте на кухонном столе... в том числе, и от автомобиля... список телефонных номеров, которые могут вам понадобиться – на холодильнике. У меня занятия в университете каждый день, кроме понедельника, но мобильник всегда при мне, и я буду приезжать по вторникам и четвергам к пяти часам, если мы не договоримся на другие дни. Вроде бы все?

– Да, – я полез в карман за деньгами. – Хочу выдать тебе премию. Ты отлично поработал.

Он замахал руками.

– Нет. Это клевая работа, мистер Фримантл. Хорошая оплата и удобное время. Я счел бы себя рвачом, получая еще и премию.

Я рассмеялся, убрал деньги в карман.

– Как скажешь.

– Может, вам следует прилечь, – он поднялся.

– Может, и прилягу, – странно это, когда к тебе относятся, как дедушке Уолтону¹⁰, но, наверное, мне следовало к этому привыкать. – А что случилось с другим домом на северной оконечности Кейси-Ки?

– Что?

– Ты сказал, что один рухнул в воду. Что случилось со вторым?

– Насколько я знаю, он все еще на прежнем месте. Хотя, если сильный шторм, вроде «Чарли», обрушится на остров, едва ли от дома что-то останется, – он подошел ко мне, протянул руку. – В любом случае, мистер Фримантл, добро пожаловать во Флориду. Я надеюсь, они отнесется к вам по-доброму.

Я пожал его руку.

– Спасибо... – запнулся, возможно, на столь короткое время, что он и не заметил, но не разозлился. На него точно не разозлился. – Спасибо за все.

---

¹⁰ Дедушка Уолтон – персонаж телесериала «Уолтоны» компании Си-би-эс (1972-1981)

- Да ладно, - когда он уходил, во взгляде, брошенном на меня, чувствовалось легкое недоумение, так что, возможно, заметил. Может, заметил, как я запнулся. Меня это уже не волновало. Наконец-то я остался один. Вслушался в хруст ракушек и гравия, вылетающих из-под колес при развороте автомобиля. В шум двигателя, который затихал, затихал, исчез. Осталось только негромкое, ровное дыхание Залива. И удары сердца, мягкие, глуховатые. Никаких часов, звенящих, бьющих, даже тикающих. Я глубоко вдохнул, набрал полную грудь затхлого, чуть влажноватого воздуха. А как еще могло пахнуть в помещении, которое достаточно давно стояло закрытым, если не считать коротких еженедельных (или раз в две недели) ритуальных проветриваний. Я подумал, что уловил также запахи морской соли и субтропических растений, названий которых еще не знал.

Слышал я, главным образом, шум волн, очень уж напоминающий дыхание какого-то большого спящего существа, и смотрел через стеклянную стену, которая выходила на воду. Поскольку «Орхидею» приподняли над уровнем земли, с того места, где я сидел, достаточно далеко от стеклянной стены гостиной, берега я увидеть не мог. Сидя в кресле, имел возможность полюбоваться разве что одним из больших танкеров, что следовали нефтяными маршрутами из Венесуэлы в Галвестон. Купол неба затянула легкая дымка, приглушая яркость отражающихся от поверхности воды солнечных лучей. Слева на фоне неба четко прорисовывались силуэты трех пальм, их кроны чуть колыхались под очень, очень легким ветерком: те самые пальмы я изобразил на своем первом после несчастного случая рисунке. *«На Миннесоту, прафта, не похоше»*, - прокомментировал Том Райли.

Стоило мне посмотреть на них, как вновь захотелось рисовать... потребность напоминала голод, правда возникла не в желудке, а в голове, вызвала зуд. И, что странно, еще и в культе. *«Не сейчас, - одернул я себя. - Позже. Сейчас я, как выжатый ЛИМОН»*.

Из кресла я сумел подняться со второй попытки, довольный тем, что юноша не стал свидетелем провала первой и не услышал мой мальчишеский (*«Твою мать!»*) раздраженный вскрик. Поднявшись, я какое-то время шатался, опираясь на «канадку», задаваясь вопросом,

до какой же степени я вымотан. Обычно «выжат, как лимон» – выражение образное, но в тот момент я именно таким себя и ощущал.

Медленным шагом (не испытывал желания упасть здесь в первый же день) я проделал путь в большую спальню. Увидел двуспальную кровать, и больше всего мне хотелось подойти к ней, сесть, костылем скинуть на пол эти идиотские декоративные подушки (на одной вышли какое-то подобие двух прыгающих кокер-спаниелей и довольно пугающую мысль: «МОЖЕТ, СОБАКИ И ЕСТЬ САМЫЕ ХОРОШИЕ ЛЮДИ?»), лечь и поспать два часа. Может, три. Но сначала я прошел к скамье у изножья кровати, по-прежнему очень осторожно, зная, как легко при такой усталости зацепиться ногой за ногу и упасть. На скамью юноша положил два из трех моих чемоданов. Нужный, конечно, оказался нижним, так что я без колебаний сбросил верхний на пол и расстегнул молнию наружного кармана.

Стеклянные синие глаза глянули на меня с выражением вечного осуждающего удивления: «О-о-о-о-х, какой противный парниша! Я столько времени здесь пролежала!» Взбитые синтетические оранжево-красные волосы вырвались из заточения. Реба, воздействующая на злость кукла, в лучшем синем платье и черных сандалиях «Мэри-Джейнс».

Я лег на кровать, прижимая ее кулечей к боку. После того, как устроился между декоративных подушек (на пол мне больше всего хотелось отправить прыгающих кокеров), положил куклу рядом с собой.

– Я забыл его имя, – признался я. – Всю дорогу сюда помнил. Потом забыл, – Реба смотрела в потолок, где застыли лопасти вентилятора. Я забыл его включить. Ребу не волновали, как звали молодого человека, который теперь работал у меня в свободное от учебы время, Айк, Майк или Энди ван Слайк¹¹. Ей все это было без разницы, да и чего еще я мог ожидать от тряпок, засунутых в розовое тело каким-нибудь несчастным ребенком, которого заставляли трудиться и нещадно эксплуатировали где-то в Камбодже или в гребаном Уругвае.

– Как его звали? – спросил я ее. При всей моей усталости, почувствовал прежнюю нарастающую панику.

---

¹¹ Ван Слайк, Энди (р. 1960) – профессиональный бейсболист, с 1983 по 1995 гг. выступавший за команды Сент-Луиса, Питтсбурга, Балтимора, Филадельфии. По итогам сезона неоднократно становился обладателем «Золотой перчатки».

Прежнюю нарастающую ярость. Страх, что такое будет продолжаться остаток моей жизни. Или станет хуже! Меня увезут в санаторий для выздоравливающих, в действительности, тот же ад, только заново покрашенный.

Реба не ответила, бескостная сука.

– Я могу это сделать, – отчеканил я, хотя сам себе не верил. И подумал: «Джерри. Нет, Джефф». Потом: «Нет, ты думаешь о Джерри Джеффе Уокере¹², козел. Джонсон? Джеральд? Великий дрыгающийся Джехосафат?»

Я начал засыпать. Начал засыпать, несмотря на злость и панику. Меня убаюкивал тихий шепот Залива.

«Я могу это сделать, – подумал я. – Напрягись. Вспомнил же ты, что означало Эс-и».

Я вспомнил, как молодой человек сказал: «Они определили к сносу пару домов в северной части Кейси-Ки, когда береговая эрозия ускорилась», – и в этом что-то было. Моя культия зудела, как безумная. Но можно прикинуться, что зудит культия другого человека, в другой вселенной, а тем временем, искать эту штуковину, эту тряпку, эту кость, эту связь...

...засыпая...

«Хотя, если сильный шторм, вроде «Чарли», обрушится на остров...»

И бинго!

«Чарли», название урагана, и когда очередной ураган приближался к побережью, я включал Метеорологический канал, как и вся Америка, а их комментатора по ураганам звали...

Я поднял Ребу, на мой полусонный взгляд весила она футов двадцать.

– Комментатор по ураганам – Джим Канторе, – объяснил я Ребе. – Мой помощник – Джек Кантори. Гребаное дело закрыто, – положил ее на спину и закрыл глаза. Еще десять или пятнадцать слышал дыхание Залива. Потом заснул.

Спал до заката. Самым глубоким, самым крепким сном за последние восемь месяцев.

---

¹² Джерри Джефф Уокер (р. 1942, настоящее имя Рональд Клайд Кросби) – известный американский певец, музыкант. Под этим сценическим псевдонимом выступает с 1966 г.

V

В самолете я едва прикоснулся к еде, и, соответственно, проснулся жутко голодным. Вместо двадцати пяти упражнений на сгибание, чтобы размять травмированное бедро, сделал только дюжину, посетил туалет и поспешил на кухню. Опирался на «канадку», но не так тяжело, как ожидал, учитывая продолжительность дневного сна. Намеревался сделать себе сэндвич, может, два. Рассчитывал на порезанную копченую колбасу, но полагал, что подойдет любое мясо для сэндвича. После еды собирался позвонить Илзе и сказать, что добрался до пункта назначения. А уж Илзе электронными письмами известила бы всех, кого заботило благополучие Эдгара Фримантла. Потом мне предстояло принять вечернюю дозу обезболивающих таблеток и изучить оставшуюся часть моего нового жилища. Я еще не успел побывать на втором этаже.

Чего я не учел в своих планах, так это изменений в открывающемся из окон вида на запад.

Солнце зашло, но над плоской поверхностью Залива, простиравшегося до горизонта, оставалась яркая оранжевая полоса. Она разрывалась только в одном месте, силуэтом какого-то огромного корабля. Силуэт этот напоминал рисунок первоклассника. Трос тянулся от носа к, по моему предположению, радиомачте, образуя треугольник света. И когда свет этот поднимался выше, оранжевое переходило в захватывающее дух сине-зеленое, как на полотнах Максфилда Пэрриша¹³. Собственными глазами таких цветов я не видел... и однако, испытал чувство *déjà vu*, словно все-таки видел, во сне. Может, мы все видим такое небо в наших снах, но проснувшийся мозг не может подобрать для увиденного привычные названия цветов.

А выше, в стущающейся черноте, уже сияли первые звезды.

Я более не испытывал голода, пропало и желание позвонить Илзе. Мне хотелось только одного: нарисовать то, что я видел перед собой. Я знал, что перенести на бумагу все мне не удастся, но плевать я

---

¹³ Пэрриш, Максфилд (1870-1966) – знаменитый американский художник и иллюстратор

хотел, удастся или нет... и вот это радовало больше всего. Притягивал сам процесс.

Мой работник (на мгновение я опять забыл его имя, потом вспомнил Метеоканал, потом подумал: «Джек», – гребаное дело закрыто) оставил ранец с рисовальными принадлежностями во второй спальне. Вместе с ним я неуклюже прошествовал во «флоридскую комнату»: одной рукой приходилось нести ранец и опираться на костыль. Легкий любопытный ветерок взъерошил волосы. Сама идея, что такой вот ветерок и снег в Сент-Поле могли существовать одновременно, в одном мире, казалась абсурдной... прямо-таки научной фантастикой.

Я положил ранец на длинный, шероховатый деревянный стол, подумал, что надо бы включить свет, отказался от этой мысли. Я мог рисовать, пока видел, что рисую, а потом сказать себе, что на сегодня все. Сел, как всегда, скособохась, расстегнул молнию, достал альбом. «**МАСТЕР**» – гласила надпись на обложке. С учетом уровня моего мастерства, выглядела она насмешкой. Я залез глубже и вытащил коробку с цветными карандашами.

Рисовал и раскрашивал быстро, практически не глядя на то, что делаю. Над произвольно проведенной линией горизонта все затенил желтым, торопливо водил карандашом из стороны в сторону, иногда задевая корабль (должно быть, ему предстояло стать первым желтушным танкером в мире), но меня это не волновало. Когда закончил с полосой заката (теперь-то он совсем догорал), схватил оранжевый карандаш, начал водить по желтой полосе, уже сильнее. Потом вернулся к кораблю, особо не думая, просто наносил на бумагу черные, пересекающиеся линии. Таким я его видел.

Когда закончил, практически полностью стемнело.

По левую руку шелестели листвой три пальмы.

Ниже и подо мной, но не очень далеко подо мной, прилив отходил, вздыхал Мексиканский залив, словно у него выдался долгий день, а еще оставалась работа.

Над головой высыпали уже тысячи звезд и прямо у меня на глазах появлялись все новые.

«И так здесь было всегда», – подумал я, вспомнил фразу, которую произносила Мелинда, если слышала по радио действительно понравившуюся ей песню: «Она зацепила меня с «алле». Под моим

примитивным танкером и я написал это слово, **«АЛЛЕ»**, маленькими буквочками. Насколько я могу вспомнить (а с памятью у меня теперь лучше), впервые в жизни дал название картине. И, если уж говорить о названиях, это – хорошее, не так ли? Несмотря на все последующие потери, я до сих пор думаю, что это идеальное название для картины, нарисованной мужчиной, который изо всех сил пытался больше не грустить... пытался вспомнить, каково это, чувствовать себя счастливым.

На сегодня – все. Я положил карандаш на стол, и вот тут вилла заговорила со мной в первый раз. Голос был тише дыхания Залива, но я все равно его услышал.

«Я ждала тебя», – донеслось до моих ушей.

vi

В тот год я разговаривал с собой и себе же отвечал. Иногда отвечали и другие голоса, но вечером моего первого дня во Флориде беседу вели я, только я и никто, кроме меня.

– Хьюстон, это Фримантл, слышите меня, Хьюстон? – сунувшись в холодильник, думаю: *«Господи, если это самое необходимое, не хочется даже представлять себе, что парнишка понимает под словами «набить холодильник»... того, что уже есть, мне хватит, чтобы пережить третью мировую войну»*.

– Последнее сообщение принято, Фримантл, мы вас слышим.

– У нас тут копченая колбаса, Хьюстон, мы принимаемся за копченую колбасу, как меня слышите?

– Вас понял, Фримантл, слышим вас ясно и четко. Как ситуация с майонезом?

Мы принялись и за майонез. Я приготовил два сэндвича с кружочками конченной колбасы, уложенными на слой майонеза (когда я был маленьким, нас воспитывали в вере, что майонез, копченая колбаса и белый хлеб – пища богов), и съел их за кухонным столом. В кладовке нашел две упаковки «Тейбл ток

пайс»¹⁴, с яблочной и черничной начинкой. Начал думать о том, чтобы изменить завещание в пользу Джека Кантори.

Наевшись, как удав, я вернулся в гостиную, включил свет, посмотрел на «Алле». Рисунок получился не очень. Но что-то в нем было. Небрежно затушеванная вечерняя заря удивительным образом словно светилась изнутри. Корабль мало напоминал тот, что я видел, но мой выглядел интереснее, этаким корабль-призрак. Собственно, и нарисовал-то я его схематично, несколькими линиями, но пятна желтого и оранжевого создавали ощущение, что корабль прозрачный и сквозь него пробивается закатный свет.

Я поставил рисунок на телевизор, прислонил к табличке с надписью: «ВЛАДЕЛЕЦ ДОМА ТРЕБУЕТ, ЧТОБЫ ВЫ И ВАШИ ГОСТИ НЕ КУРИЛИ В ДОМЕ». Еще несколько мгновений посмотрел на него, подумал, что на переднем плане чего-то не хватает, скажем, корабля поменьше, дабы подчеркнуть удаленность второго корабля, придать рисунку глубину, но больше мне рисовать не хотелось. А кроме того, любое добавление могло свести на нет ауру картины. И вместо карандаша я взялся за телефон, подумав, что всегда смогу позвонить Илзе по мобильнику, если б он не работал, но Джек и тут оказался на высоте.

Я полагал, что, скорее всего, общаться мне придется с автоответчиком (в колледже у девушек дел хватает), но она сняла трубку после первого гудка.

– Папуля, – она так меня удивила, что я даже потерял дар речи, и ей пришлось повторить. – Папа?

– Да, – ответил я. – Как ты узнала?

– На дисплее высветился телефонный код – девятьсот сорок один. Это тот регион, где находится Дьюма. Я проверяла.

– Современные технологии. Мне за ними не угнаться. Как ты, детка?

– Отлично. Вопрос, как ты?

– Все у меня хорошо. Если на то пошло, даже лучше, чем хорошо.

– Человек, которого ты нанял?..

– Он не зря получает деньги. Кровать застелена, холодильник полон. Я приехал и спал пять часов.

---

¹⁴ «Тейбл ток пайс» - пироги с фруктовой начинкой. Выпускаются с 1924 г. Особо популярны в Новой Англии, но пользуются спросом по всей стране.

Последовала пауза, а когда Илзе заговорила, озабоченности в голосе заметно прибавилось.

– Ты не слишком налегаешь на обезболивающие таблетки? Потому что оксиконтин в каком-то смысле троянский конь. Конечно, я не говорю тебе ничего такого, чего ты уже не знаешь.

– Нет, я принимаю прописанные дозы. Фактически...

– Что, папуля? Что? – по голосу чувствовалось, что она готова ловить такси, чтобы мчаться в аэропорт и прилететь первым же рейсом.

– Я только сейчас осознал, что в пять часов не принимал викодин... – я взглянул на часы. – А в восемь – оксиконтин. Невероятно.

– Боль сильная?

– Пара таблеток тайленола с ней справятся. По крайней мере, до полуночи.

– Возможно, перемена климата, – предположила Илзе. – И дневной сон.

Я не сомневался, что в какой-то мере на боль повлияло и первое, и второе, но не думал, что они сыграли главную роль. Может, от этого пахло безумием, но у меня сложилось ощущение, что решающее слово сказала *рисование*. Если на то пошло, я это знал.

Мы поговорили еще какое-то время, и я почувствовал, как озабоченность уходит из голоса Илзе. Заместила ее печаль. Полагаю, она поняла, что это на самом деле произошло, и ее мать и отец не собираются проснуться однажды утром и зажить, как прежде. Но она пообещала позвонить Пэм и отправить электронное письмо Мелинде, дать им знать, что я все еще на земле живых.

– У тебя есть электронная почта, папа?

– Да, но сегодня ты будешь моей электронной почтой, Булочка.

Она засмеялась, всхлипнула, засмеялась вновь. Я хотел спросить, не плачет ли она, но передумал. Решил, что лучше не спрашивать.

– Илзе? Пожалуй, я тебя отпущу, милая. Хочу принять душ и на том закончить день.

– Хорошо, но... – пауза. Потом ее прорвало. – Меня корежит при мысли о том, что ты во Флориде один! Вдруг ты упадешь в душе! Неправильно это!

- Булочка, все и меня хорошо. Честное слово. Этот парень... его зовут... - «Ураганы, - подумал я. - Метеоканал». - Его зовут Джим Кантори, - в ряд я попал правильный, но с местом ошибся. - Я хотел сказать, Джек.

- Ты знаешь, это не одно и то же. Хочешь, чтобы я приехала?

- Нет, или ты хочешь, чтобы твоя мать сняла с нас обоих скальпы. Я хочу, чтобы ты оставалась так, где сейчас и находишься, дорогая. Буду держать тебя в курсе.

- Ладно. Но береги себя. Никаких глупостей.

- Никаких глупостей. Вас понял, Хьюстон.

- Что?

- Неважно.

- Я все-таки хочу услышать, чтобы ты мне это пообещал.

На ужасный и удивительно странный миг я увидел Илзе одиннадцатилетней, Илзе в форме герлскаутов, и она смотрела на меня полными ужаса глазами Моники Голдстайн. И, прежде чем успел сдержать слова, услышал, как говорю: «Обещаю. Клянусь. Именем матери».

Илзе рассмеялась.

- Никогда такого не слышала.

- Ты еще много-то обо мне не знаешь. Я полон тайн и загадок.

- Раз ты так говоришь... - опять пауза. А потом.
- Я тебя люблю.

- Я тоже.

Я осторожно положил трубку на рычаг и долго смотрел на нее.

vii

Вместо того чтобы принять душ, я вышел на берег. Быстро обнаружил, что на песке проку от костыля нет, скорее, он превращался в помеху, но как только я обошел угол дома, от воды меня отделяли каких-то два десятка шагов. Я не спешил, так что без

проблем преодолел это расстояние. Прибоя практически не было, высота накатывающих волн не превышала нескольких дюймов. И мне было трудно представить себе, с какой яростью эта самая вода обрушивалась на берег во время урагана. Просто невозможно. Потом Уайрман скажет мне: Бог всегда наказывает нас за то, что мы не можем себе представить.

Это его изречение занимало место среди лучших.

Я повернулся, собравшись в обратный путь, остановился. Света хватало, чтобы под выступом «флоридской комнаты» я мог увидеть толстый ковер из ракушек, нанос из ракушек. Осознал, что при высоком приливе передняя часть моей новой виллы превращается чуть ли не в бак¹⁵ корабля. Вспомнил слова Джека о том, что заранее получу предупреждение, если Мексиканский залив захочет «съесть» этот дом, что я услышу скрежет и стоны. Наверное, он говорил правильно... но и на строительной площадке обычно предполагалось, что ты заранее получаешь предупреждение о пятящейся к тебе тяжелой технике.

Я дохромал до «канадки», которую оставил прислоненной к стене виллы, до двери добрался по короткой дощатой дорожке. Хотел встать под душ, но вместо этого принял ванну. Опускался и поднимался осторожно, используя навыки, полученные от Кэти Грин в моей прошлой жизни. Мы оба проделывали это в купальных костюмах, и тогда моя правая нога напоминала кусок плохо порубленного мяса. С той поры все изменилось; мое тело постаралось залечить раны. Шрамы, конечно, останутся на всю жизнь, но даже они заметно сгладились, рассосались. Почти рассосались.

Вытеревшись полотенцем и почистив зубы, я, опираясь на костыль, вернулся в спальню, оглядел двуспальную кровать, теперь лишенную декоративных подушек.

– Хьюстон, мы ложимся в кровать, – доложил я.

– Принято, Фримантл, – ответил я. – Вы ложитесь в кровать.

Конечно, почему нет? На сон я не рассчитывал, после того, как выспался днем, но мог полежать. Нога чувствовала себя на удивление неплохо, но тянуло поясницу и возникли какие-то неприятные ощущения у шеи. Я лег. Нет, о сне не могло быть и речи, даже

---

¹⁵ Бак – часть палубы от носа судна до первой мачты

после похода к воде, но настольную лампу я не включил. Чтобы дать отдых глазам. Решил полежать, пока не придут в себя шея и поясница, чтобы потом достать из чемодана книгу и почитать.

А пока хотелось полежать, расслабиться...

Я расслабился, и даже больше. Ничего мне не снилось.

viii

Сознание вернулось ко мне глубокой ночью: зудела правая рука, правую кисть трясло мелкой дрожью, и я понятия не имел, где нахожусь. Только снизу что-то огромное *шуршало, шуршало и шуршало*. Сначала я подумал, что работает какая-то машина, но для техники звук был очень уж неравномерным. И, как мне показалось, слишком живым. Я подумал о зубном скрежете, но ни у кого не могло быть таких огромных зубов. По крайней мере, ни у кого в известном мне мире.

«Дыхание», – подумал я, и, вроде бы не ошибся, но какое животное могло издавать такой накатывающий со всех сторон, скрежещущий звук, когда втягивало в себя воздух. И, Господи, зуд сводил меня с ума, зудело все предплечье, до локтевого сгиба. Я решил почесать правую руку, перекинул левую через грудь, но, само собой, не нашел ни локтя, ни предплечья, почесал только простыню.

От этого окончательно проснулся, сел. Хотя в комнате царила темнота, звездного света, проникающего в окно на западной стене хватило, чтобы я разглядел изножье кровати, где один из моих чемоданов еще лежал на скамье. Вот тут все встало на свои места. Я – на Дьюма-Ки, неподалеку от западного побережья Флориды, прибежища молодых и полуживых. Я – в доме, о котором уже думал, как о вилле «Орхидея», а этот скрежещущий звук...

– Это ракушки, – пробормотал я, вновь ложась на спину. – Ракушки под домом. Вода прибывает. Прилив.

Я полюбил этот звук с самого начала, когда проснулся и слышал в ночной тьме, когда не знал,

где нахожусь, кто я, из каких частей состоит мое
тело. Это был мой звук.

Он зацепил меня с «алле».